

ВАНЕССА КЕЛЛИ

Признания
Новобрачного

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 34

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Vanessa Kelly
CONFESSIONS OF A ROYAL BRIDEGROOM

Перевод с английского *А.Ф. Фроловой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Келли, Ванесса.

К 34 Признания новобрачного : [роман] / Ванесса Келли ;
[пер. с англ. А. Ф. Фроловой]. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086627-4

Гриффин Стил, побочный сын принца-регента, жил в свое удовольствие и имел сомнительную славу владельца заведений, о которых в приличном обществе не принято даже упоминать, пока судьба не сыграла с ним злую шутку.

На его попечение оставлен не только ребенок, за которым охотятся тайные агенты, но и наставница малыша Джастин Брайтмор, дочь знаменитого в прошлом британского шпиона. В довершение всего Гриффин должен немедленно жениться на Джастин, чтобы спасти ее от неминуемого скандала — и смертельной опасности.

Однако очень скоро то, что начиналось как рискованная игра, превращается в историю любви — любви веселой и печальной, страстной и неистойвой, чувственной и чистой!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086627-4

© Vanessa Kelly, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Глава 1

Лондон

Январь 1815 года

После семи долгих лет Гриффин Стил наконец готовился избавиться от тяжелой ноши, которую он добросовестно нес, хотя она и грозила уничтожить жалкие остатки благопристойности, еще сохранившиеся в его черной душе.

— Надеюсь, все сделано, согласно твоим пожеланиям, — проговорила Мэдлин Ривз. Ее голос был негромким и соблазнительным. — Лиззи, Ребекка и я внимательно проверили все пункты. Думаю, мы учли все, что ты хотел. — Ее полные губки сложились в чувственную улыбку, компенсировавшую легкий намек на укор, содержащийся в ее словах.

Гриффин поднял глаза с документа, который держал в руках, на женщину, управлявшую его борделем и некогда согревавшую его постель. Мэдлин была потрясающая красавица — темноволосая, с большими черными миндалевидными глазами. За ленивой чувственностью она скрывала острый ум и мгновенные инстинкты карточного шулера. Несмотря на профессию, она была очень честным и порядочным человеком, одним из немногих, кому Гриффин, не раздумывая, мог бы доверить свою жизнь.

Он кивнул.

— Я знаю, условия могли показаться более суровыми, чем это оправдано, учитывая наши отношения. Но я так же не сомневаюсь, что ты понимаешь, чем это вызвано. —

Он выпустил из пальцев документ, и тот с тихим шелестом опустился на стол. — Я ошибаюсь?

Мэдлин слабо усмехнулась.

— Нет, не ошибаешься. Ты никогда не ошибаешься.

Гриффин подавил горький вздох, скрывая эмоции, вызванные ее словами, и мягко улыбнулся.

— Ты мне льстишь, дорогая, но, думаю, все же понимаешь, почему я настоял на том, чтобы ты выполнила все мои требования. По крайней мере в данный момент.

— Я понимаю. — Выражение ее очаровательного личика чуть-чуть изменилось, превратив девушку из самой популярной лондонской куртизанки в проницательную бизнес-леди. — Если мы не продемонстрируем способность управлять «Золотым бантом», согласно твоим условиям, то не сможем обеспечить свою финансовую независимость и создать девочкам хорошие условия. Я знаю, как это важно для тебя.

Она подалась вперед и положила ладонь на блестящую поверхность полированного письменного стола. Ее платье цвета бургундского вина, изящно подчеркивающее восхитительную фигурку, было сшито из дорогого мягкого шелка.

— С девочками ничего не случится, Гриффин. Даю слово.

— Знаю, ты сделаешь все от тебя зависящее. И я благодарен тебе за это.

Он вовсе не кривил душой. Мэдлин и ее новые партнеры — женщины, работавшие в его борделе, — были ключевой частью его плана обретения свободы.

Гриффин уже давно хотел избавиться от «Золотого банта». Он занимался им лишь потому, что не мог вынести бессердечия, с которым предыдущий владелец — мужлан по фамилии Полсон — обращался с работавшими там девушками. Он ничего не предпринимал, чтобы защитить их от болезней, беременностей и жестокости некоторых клиентов. К сожалению, мужчина владел еще и «Скрягой» — первым игорным домом, который приобрел Гриффин, ставшим основой его богатства и влияния. И хотя

Гриффин собирался купить только игорный дом, но сам не заметил, как приобрел бордель тоже.

Нет, он вовсе не был святым и потому воспользовался всеми финансовыми преимуществами — на своих условиях, разумеется, — которые дала эта покупка. Но теперь ему хотелось избавиться от ответственности, к которой он никогда не стремился. После приезда в Лондон ему слишком часто приходилось видеть, как рушится жизнь женщин, обманутых и отвергнутых мужчинами, посещающими заведения вроде «Золотого банта». Его собственную мать постигла такая же судьба. Отец Гриффина имел самую голубую кровь во всем королевстве — голубее просто некуда, но, по его понятию, был жалким негодяем.

— Гриффин, что-нибудь не так? — Ласковое понимание в голосе Мэдлин встряхнуло его сильнее, чем ее слова.

Отмахнувшись, Гриффин встал, давая понять, что разговор окончен.

— Все нет, дорогая. Сегодня я покажу бумаги моему поверенному, но и без него уверен, что все в порядке. Через пару дней документ будет подписан. — Он с улыбкой обошел вокруг стола и предложил Мэдлин руку. — Желаю удачи, Мэд. Знаю, ты справишься.

Она встала. Легкая чуть греховная грация этой женщины сводила с ума многих. Мэдлин была высокой и могла взглянуть Гриффину прямо в глаза.

— Может быть, ты хочешь отпраздновать нашу сделку? — промурлыкала она, зазывно поглядывая на мужчину. — Вспомнить прошлое?

Ее низкий бархатный голос приятно возбуждал. Когда-то Гриффин, не задумываясь, откликнулся бы на этот призыв. Но они уже давно не спали вместе. Всею виной была его внутренняя опустошенность, равно как и нежелание смешивать дела и удовольствие. Какой-то миг он всерьез раздумывал, не принять ли приглашение, точно зная, что Мэдлин будет рада и постарается доставить ему максимальное удовольствие. Но тут дала о себе знать темная неудовлетворенная часть его души, которая в последнее время тревожила его все чаще. Именно она заставила его отказаться от своей прежней жизни, попытаться найти

свое место, самоутвердиться. Ему не надо было ничего говорить. Мэдлин всегда остро чувствовала его настроение и прочитала ответ на свое приглашение на его лице.

— Ну хорошо. — Она пожала плечами и при этом вовсе не выглядела разочарованной. — Впрочем, я так и думала. Знаешь, Гриффин, кажется, ты превращаешься в монаха. К нам и носа не кажешь. Надеюсь, ты не собираешься забраться на какую-нибудь ужасную гору в Шотландии или стать отшельником, поселившись в одном из поместий своего дяди. — Она скользнула взглядом по его сильной мускулистой фигуре. — Для женщин это будет большая потеря.

Гриффин довольно ухмыльнулся.

— Ты снова мне льстишь, хотя знаешь, что я нечувствителен к подобным речам.

Мэдлин уже открыла рот, чтобы ответить, но ее прервал громкий стук в дверь. Гриффин не успел ничего сказать — дверь распахнулась, и в комнату ворвался Том Дикон.

Гриффин вопросительно поднял брови. Конечно, его бизнес-менеджер был на несколько дюймов выше и на три стоуна тяжелее, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы врываться в комнату без приглашения. А учитывая гримасу на его физиономии, не приходилось сомневаться: случилось нечто непредвиденное, сильно повлиявшее на, как правило, спокойного и невозмутимого мужчину.

Том резко остановился перед Гриффином, едва не наступив ему на носок туфли. Мэдлин благоразумно села, чтобы не оказаться зажатой между двумя мужчинами.

Кабинет Гриффина, из которого он управлял игорным «адам», располагавшимся в этой части Джермин-стрит, был небольшим. «Скряга» был закрыт лишь несколько месяцев назад, после чего здание снова стало жилым домом, но Гриффин не видел смысла переносить кабинет в более просторную комнату. Отсюда он мог видеть всех входящих и выходящих и переходить через небольшую удобно расположенную дверь в находящийся рядом бордель. Массивная фигура Тома заполнила комнату, и Гриффину даже показалось, что стены слегка сдвинулись. Вздохнув,

он снова обошел стол и остановился в ожидании. Том никогда не отличался многословием, долго думал, прежде чем начать говорить, и торопить его было бесполезно. Но, понаблюдав несколько секунд, как у Тома дергается лицо, Гриффин потерял терпение:

— Мы будем стоять и глазеть друг на друга, как пара остолопов, или ты мне все-таки скажешь, что произошло?

У Тома активно задвигалась челюсть, словно он никак не мог прожевать жилистый кусок баранины, но в конце концов слова все-таки вырвались наружу.

— Это ребенок, — сообщил он. — Ребенок в холле.

Гриффин растерянно моргнул.

— Ребенок? — удивленно переспросил он. — В моем доме? Что он здесь делает?

Некоторые девушки, конечно, рожали детей — издержки профессии, — но он всегда отправлял их для этого подальше от Лондона. Дети никак не вписывались в такого рода бизнес.

Гриффин быстро шел — почти бежал — к входной двери.

— В одном ты можешь быть уверен, — сказал он через плечо едва поспевавшему за ним Тому. — Ребенок не мой. Я всегда проявляю осторожность в таких вещах. — Учитывая плохую наследственность — по отцовской линии, — он старался не производить на свет ублютков.

— Я только повторяю, что сказал парень, который его принес, — ответил Том. — Я же не утверждаю, что это правда!

— Надеюсь, — буркнул Гриффин. Одновременно он лихорадочно вспоминал, в чьих постелях бывал девять месяцев назад. Осторожность осторожностью, но случайности всегда возможны. Поразмыслив, он отбросил сомнения. В то время он спал только с Мэдин, и она точно не была беременна.

Вероятно, какая-нибудь предприимчивая бабенка решила таким способом вытрясти из него денег. Репутация

Гриффина в части его сексуальных подвигов была сильно преувеличена. Он был намного более разборчивым, чем его считали окружающие, в отличие от Принни и некоторых его королевских дядей, которые не могли пропустить ни одной юбки. Гриффин старался никогда не ложиться в постель с женщиной, если был навеселе. Слишком рано ему довелось узнать, что утрата контроля над собой может легко привести к беде. В тех редких случаях, когда он позволял себе выпить, это было в одиночестве или в крайне ограниченном кругу друзей, которым он доверял.

Гриффин распахнул обитую сукном дверь, вышел в вестибюль и застыл. Не ожидавший столь резкой остановки Том врезался ему в спину.

Да, там действительно был ребенок, завернутый в белое одеяльце и уложенный в плетеную корзинку. Корзинка стояла в самом центре вестибюля. Гриффин не мог со своего места видеть малыша, зато он его отлично слышал: плач становился все громче, достиг верхнего регистра и трансформировался в громкое интенсивное завывание, которое отражалось от стен, проникало в уши и заставляло всех морщиться.

— С легкими у него все в порядке, — пробормотал Том.

Гриффин поборол желание заткнуть уши и перевел взгляд на второго незваного гостя. Мальчику было не больше десяти лет. Явно уличный оборванец. Он стоял рядом с корзинкой, переминался с ноги на ногу и комкал в руках шапку с большой дырой. Над мальчиком нависал Фелпс, слуга Гриффина, выполнявший почти всю работу по дому. Точнее, мужскую работу.

— Что здесь происходит? — громко спросил Гриффин. Ему пришлось изрядно повысить голос, чтобы перекрычать младенца. — Фелпс, какого черта ты впустил этих детей в мой дом?

— Не смог остановить старшего, — вздохнул слуга и беспомощно пожал плечами. — Он проскользнул под моей рукой раньше, чем я успел рот открыть.

Гриффин уставился на мальчика. Несмотря на непрезентабельную внешность, его глаза светились умом и искренним любопытством. Гриффин заметил, как взгляд

мальчика скользит по блестящим отполированным канделябрам на стенах, подсвечникам и красивым медным ручкам на дверях.

— Даже не думай, — сухо проговорил Гриффин.

Глаза мальчика удивленно расширились. Воплощение невинности.

— Не понимаю, о чем вы, дядя.

— А я думаю, что понимаешь. А теперь скажи, кто ты такой и почему принес в мой дом этого младенца.

К этому моменту вой ребенка стал и вовсе оглушающим. Том зажал ладонями уши.

— Проклятье, Фелпс! — воскликнул Гриффин. — Возьми младенца и успокой. Я перестаяю соображать от этого рева.

Фелпс, выносливый и очень расторопный мужчина, раньше владевший пивной неподалеку от Ковент-Гарден и легко совмещавший обязанности хозяина и вышибалы, испуганно попятился и замахал руками.

— Простите, сэр, не могу. Боюсь, я его уроню. Никогда не держал в руках младенца.

— Фелпс, если мне память не изменяет, ты вырастил дочь. И она работает в этом доме! — возмутился Гриффин.

— Да, конечно, и люблю ее больше жизни, но только я никогда не держал ее на руках, тем более когда она так орала.

— Наверное, пора сменить пеленки, — заметил мальчик с мудростью ребенка, имеющего младших братьев и сестер.

Гриффин оглянулся на Тома, который тоже попятился и с грохотом ударился о дверь. На его физиономии застыла паника.

— Ради бога! — воскликнул Гриффин.

Он подошел к корзине и опустился на корточки. Он уже много лет не имел дел с маленькими детьми, но решил, что подобные навыки если и утрачиваются, то быстро восстанавливаются. Он вырос в доме своего дяди, приходского священника из Йоркшира, и коротал одинокие вечера в кухне с домоправительницей миссис Паттерсон, заменившей ему мать. У этой доброй женщины было бес-

счетное число внуков, и она иногда звала его на помощь. Гриффин ничего не имел против. Он провел много бесцветных зимних дней, укачивая очередного малыша, в то время как миссис Паттерсон суетилась у плиты.

— Ну и чего мы шумим? — тихо спросил он, откидывая мягкое одеяльце. Под ним оказалось очень красное и совершенно несчастное личико, маленький ротик кривился. Младенец судорожно всхлипывал и размахивал кулачками — он явно отдыхал, готовясь снова поднять крик. Вот он набрал полную грудь воздуха, и Гриффин, чтобы не оглохнуть, поспешно просунул под малыша ладонь, взял маленькое тельце на руки и встал.

— Видишь, все в порядке, — проговорил он и прижал ребенка к груди.

Младенец все-таки закричал, но не так громко и не слишком уверенно, а потом резко замолчал и принялся икать. Длинные темные ресницы слиплись от слез, малыш не стал выглядеть счастливее, но, по крайней мере, перестал испытывать на прочность их уши.

— Здорово, — пробормотал Том, сделав осторожный шагок вперед. Он явно старался не приближаться к младенцу, словно опасаясь, что тот его укусит. — Похоже, у вас проснулся материнский инстинкт.

— Ничего сложного в этом нет, — ответил Гриффин, после чего переключил внимание на мальчика, доставившего столь необычную посылку. — Как тебя зовут?

— Роджер. А вас?

— Гриффин Стил, к вашим услугам. Может быть, ты объяснишь нам, что все это значит?

Роджер кивнул.

— Вы — та шишка, которую я должен был найти. У меня для вас записка.

— Я не шишка, — машинально ответил Гриффин. По большей части ему было все равно, за кого его принимали, но он категорически не желал, чтобы его считали аристократом.

Роджер обвел глазами вестибюль и скептически хмыкнул.

Гриффин вздохнул:

— Ладно, делай то, что тебе поручено. Кто пытается свалить на меня этого младенца под предлогом, что я его... — Он запнулся и спросил у мальчика: — Кстати, это девочка или мальчик?

— А черт его знает! — Роджер пожал плечами.

Тихо выругавшись, он осторожно приподнял промокшие пеленки. Нельзя было не заметить, что они сшиты из тончайшего батиста и отделаны изысканным кружевом, так же как распашонка и чепчик.

— Мальчик, — констатировал он и снова прикрыл упитанное тельце.

Все присутствующие испустили коллективный вздох, словно умирали от желания узнать ответ.

— Теперь, когда мы установили сей факт, может быть, ты наконец скажешь, почему приволок его сюда? — спросил Гриффин, устремив строгий взгляд на Роджера.

Мальчик открыл рот, но ответить не успел. Обитая сукном дверь распахнулась, и в вестибюль выпорхнула Мэдлин. На юной физиономии Роджера отразился восторг, смешанный с потрясением. Подобное выражение Гриффину не раз приходилось видеть у взрослых мужчин.

Он тряхнул Роджера за плечо.

— Не отвлекайся. Ты слишком молод, чтобы так смотреть на женщину.

Мэдлин подошла к Гриффину.

— И правда младенец. Неужели он действительно твой, Гриффин?

— Нет. — Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не зарычать от раздражения. — Но если меня наконец перестанут перебивать, я, возможно, узнаю, чей он.

Мэдлин, чуть приоткрыв рот, уставилась на ребенка.

— Какой хорошенький! — Она погладила пальчиком по его щеке.

— Прекрасно, тогда можешь поддержать его! — И Гриффин сунул ребенка ей в руки. Мэдлин выглядела ошарашенной, но не стала протестовать.

— Так что ты собирался сказать? — Гриффин решил, что Роджера следует вывести из ступора, в который он впал при виде очаровательной Мэдлин.

— Я понятия не имею, кто этот парень, мистер Стил, — признался мальчик. — Никогда раньше его не видел. Полчаса назад ко мне подошла какая-то леди и сказала, что заплатит мне полфунта, если доставлю его сюда и удостоверюсь, что вы его взяли.

Гриффин лишь удивленно моргнул, услышав сумму, которую предложили мальчику.

— Она объяснила почему?

— Нет. Только сказала, что я должен отдать ребенка вам, и только вам. Это она повторила несколько раз. Вам и больше никому. — Роджер почесал грязный нос и задумался. — Вот я и решил, что вы его отец.

— Но она не говорила, что я его отец?

— Если подумать... нет.

— А как ты должен получить плату за эту работу? Где и когда вы должны встретиться? — Наверняка эта таинственная незнакомка не столь наивна и не будет платить уличному мальчишке заранее. Значит, проследив за Роджером, можно будет ее найти.

Мальчик понимающе усмехнулся, явно сообразив, о чем подумал Гриффин.

— Прошу прощения, мистер Стил, но леди мне уже заплатила. Она проводила меня до двери и сказала, что будет ждать, пока я войду в дом.

И Гриффин моментально развил бурную деятельность. Он бегом устремился к входной двери, распахнул ее и выскочил на Джермин-стрит. Улица была, как всегда, спокойной. Мимо проехало несколько телег. Бедно одетые люди, вероятно, слуги, торопились по своим делам. Гриффин повертел головой, но единственной ниточкой, ведущей к незнакомке, могло быть только закрытое черное ландо, которое как раз поворачивало за угол в дальнем конце улицы.

Выругавшись, Гриффин вернулся в дом.

— Как выглядела женщина? Она приехала в экипаже?

— Не знаю я, как она выглядела! На ней была вуаль! — воскликнул Роджер.

— А как насчет экипажа?

Мальчик кивнул.

— Экипаж был. Она отыскала меня на Пиккадилли. Мы проехали до конца улицы, потом вышли и весь остальной путь шли пешком и несли ребенка. — Он задумался. — Интересно, почему нельзя было подъехать прямо сюда?

— Полагаю, она не хотела, чтобы кто-нибудь выглянул из окна и заметил ее экипаж, — ответил Гриффин, совершенно сбитый с толку. Кем бы ни была таинственная незнакомка, она приняла все возможные меры предосторожности, чтобы остаться неузнанной. Но вместе с тем она явно хотела чувствовать себя уверенной, что младенец в безопасности.

— Ты не заметил каких-нибудь особых примет экипажа? — поинтересовалась Мэдлин, покосившись на Гриффина. — Может быть, на дверцах было что-то нарисовано?

— Он был черный, — подумав, сообщил мальчик.

Гриффин нахмурился.

— Спасибо за это ценное наблюдение. Что-нибудь еще?

Мальчик молча пожал худенькими плечами.

— Ты был слишком поглощен мыслями об обещанной плате, чтобы обращать внимание на что-то другое, — фыркнул Том.

— Ну да, — ухмыльнулся Роджер. — Считаешь, меня можно за это винить?

— Нет, конечно, нет, — вздохнул Гриффин. — А ты уверен, что раньше никогда не видел эту женщину?

— Да.

— Помнишь что-нибудь еще?

Роджер быстро заморгал. Похоже, это действие было непосредственно связано с процессом извлечения информации из его памяти.

— Да. Она сказала, чтобы вы обязательно прочитали записку и не потеряли кольцо.

Гриффин склонился над корзинкой и стал перетряхивать одеяла. Они были сделаны из качественной белой шерсти и перевязаны атласной лентой. Как и другие вещи малыша, они были чистыми и явно дорогими. Создавалось впечатление, что о ребенке кто-то заботился.

Гриффин отыскал сложенную записку, запечатанную красной восковой печатью. Он сунул ее в карман жилета и продолжил поиски. Наконец он выпрямился. В кулаке сжимал маленький черный бархатный мешочек, затянутый шнурком. Мужчина развязал его и вытряхнул содержимое на ладонь.

В руке оказалось кольцо. Тяжелая печатка с непонятным сложным узором. Гриффин принялся его разглядывать.

Том задумчиво присвистнул.

— Недешевое колечко, — сказал он и подался вперед, чтобы лучше видеть. — Что на нем изображено?

Гриффин сделал шаг к окну — там было светлее.

— Кажется, это какой-то герб, возможно, итальянский. Не уверен... нужно увеличительное стекло.

— Откуда вы знаете, что он итальянский? — спросил Фелпс, понизив голос, словно его мог кто-то подслушать.

Гриффин посмотрел по сторонам. Все собравшиеся в холле столпились вокруг него, стараясь получше разглядеть кольцо. Даже Роджер подошел ближе, заинтересовавшись массивной драгоценностью. По крайней мере Гриффин так думал, пока не почувствовал прикосновение детских пальчиков к своему карману.

— Даже не думай, — строго сказал Гриффин, схватил мальчика за руку и поставил перед собой. — Полагаю, ты уже сегодня обчистил достаточно карманов.

Роджер испустил тяжелый вздох.

— Но попробовать-то можно, — нисколько не смутившись, сообщил он.

— Нельзя! — рявкнул Том, взял мальчика за плечо и потащил к двери. — Обчистить карманы Гриффина Стила тебе уж точно не удастся. Если тебе больше нечего сказать, можешь считать себя свободным. — И Том оглянулся на хозяина, взглядом испросив разрешения выкинуть воришку на улицу.

— Только еще одно, — вслед ему проговорил Гриффин. — Роджер, если случайно увидишь эту женщину, я хочу, чтобы ты проследил за ней, выяснил, где она живет, а потом пришел и сообщил мне. — Он не слишком

надеялся на такой вариант развития событий, но в жизни возможны всякие случайности.

Он кивнул Тому, тот достал из кармана шиллинг и протянул мальчику.

— Получишь больше, намного больше, если сумеешь добыть полезную информацию, — заверил Гриффин.

Роджер коснулся пальцами своей потертой шляпы, одарил всех присутствующих последней улыбкой, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов, и выскользнул за дверь.

— Прочитай записку! — в явном нетерпении воскликнула Мэдлин, укачивая ребенка.

Гриффин обвел глазами присутствующих и усмехнулся.

— Как вы все любите тайны, — пробормотал он и покачал головой. Лично он тайны терпеть не мог. Он их ненавидел, равно как и драмы — извечные спутницы тайн.

Он положил в карман кольцо и извлек записку. Бумага была толстой и тяжелой — очевидно, хорошего качества и очень дорогой. Он аккуратно сорвал печать, не нарушив ее, и развернул листок. На нем было всего несколько строк, написанных четким, вероятно, женским почерком.

«Младенца зовут Стивен. Его жизнь в большой опасности. Умоляю вас, мистер Стил, позаботиться о нем, пока я не свяжусь с вами снова. Да благословит вас Бог.

Друг».

Как и следовало ожидать, на листке не было никаких знаков, которые позволили бы идентифицировать личность таинственного друга. Это было бы слишком просто.

— Что там? — спросил Том с любопытством, которого почти никогда не проявлял.

— Здесь написано, что мальчика зовут Стивен и мы должны заботиться о нем, пока с нами снова не свяжутся, — буркнул Гриффин, подавив желание выругаться.